

Оригинальная статья
УДК 159.9.01
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-5-42-54>

О теории личностной модели А. Невена

Андрей Игоревич Пономарёв¹, Константин Геннадьевич Фролов^{2✉}

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

²НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

¹aiponomarev@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9326-4336>

²kgfrolov@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9071-6138>

Введение. Стратегии понимания другой личности, играющие важную роль в социальных взаимодействиях, ориентированы на распознавание ментальных состояний, в которых пребывает личность, выступающая объектом познания. Такие стратегии, взятые в своем разнообразии, нуждаются в общей теоретической концептуализации. Одна из попыток такой концептуализации осуществляется в рамках теории личностной модели А. Невена, которая является предметом исследования в данной статье. Цель его – критический анализ теории личностной модели А. Невена и демонстрация ее преимуществ и недостатков по сравнению с иными имеющимися в литературе подходами.

Методология и источники. Сопоставляется подход А. Невена с тремя конкурирующими подходами: теорией народной психологии, теорией симуляции А. Голдмана и теорией взаимодействия Ш. Галлахера. Концептуальный анализ показывает, что эти теории сталкиваются с рядом серьезных трудностей, которые и рассмотрены в статье.

Результаты и обсуждение. На основании проведенного анализа сделан вывод, что ни одна из трех указанных теорий не может быть признана универсальной. В свою очередь, теория личностной модели А. Невена настаивает на множественной стратегии понимания личности и стремится включить достоинства других теорий. Как следствие, основным преимуществом данного подхода является то, что он позволяет рассматривать процесс понимания другой личности не в качестве предзаданного, а в качестве вариативного динамического процесса. Кроме того, данный подход дает возможность рассматривать в качестве личности не только отдельного взрослого человека, но и коллектив людей, а также искусственный интеллект, что имеет большое прикладное значение для дальнейшего совершенствования моральных практик.

Заключение. Теория личностной модели также не лишена недостатков, однако, если их преодолеть, она способна представить наиболее полный механизм понимания личности.

Ключевые слова: тождество личности, теория личностной модели, теория симуляции, репрезентационализм, восприятие, философия восприятия, расширенное содержание восприятия

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук (проект МК-703.2021.2 «Натуралистическая эпистемология агентности и моральной ответственности при разработке и использовании технологий дополненного интеллекта»).

© Пономарёв А. И., Фролов, К. Г., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Пономарёв А. И., Фролов, К. Г. О теории личностной модели А. Невена // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 5. С. 42–54. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-42-54.

Original paper

On the Newen's Person Model Theory

Andrei I. Ponomarev¹, Konstantin G. Frolov²

^{1,2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

²*Higher School of Economics, Moscow, Russia*

¹*aiponomarev@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9326-4336>*

²*kgfrolov@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9071-6138>*

Introduction. Strategies for understanding another person, which play an important role in social interactions, are focused on recognizing the mental states of the person who is under consideration. These various strategies require a general theoretical conceptualization. One of attempts of this kind of conceptualization is carried out by A. Neven's person model theory. This theory is a subject of our investigation and the aim of this study is to critically analyze A. Neven's person model theory and demonstrate its advantages and disadvantages in comparison with other approaches.

Methodology and sources. A. Neven's approach is compared with three competing approaches: folk psychology theory, A. Goldman's simulation theory, and S. Gallagher's interaction theory. Conceptual analysis shows that these theories face a number of serious difficulties, which are discussed in article.

Results and discussion. Based on our analysis, we conclude that none of these three theories can be accepted as universal. At the same time, A. Newen's person model theory suggests a multiple strategy for understanding another person and seeks to incorporate the merits of other theories. Thus, the main advantage of this approach is that it allows us to consider the process of understanding another person not as a predetermined one, but as a variable dynamic process.

Conclusion. This approach allows considering as a person not only an adult, but also a collective of people, as well as artificial intelligence, which has a great importance for the further improvement of moral practices. At the same time, the person model theory is not devoid of weaknesses; however, when overcoming them, it is able to present the most complete mechanism for understanding the personality.

Keywords: personal identity, person model theory, simulation theory, representationalism, rich-content view, perception, philosophy of perception

Source of financing: the work was supported by a grant of the President of the Russian Federation (project MK-703.2021.2 "Naturalistic epistemology of agency and moral responsibility in the development and use of augmented intelligence technologies").

For citation: Ponomarev, A.I. and Frolov, K.G. (2022), "On the Newen's Person Model Theory", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 5, pp. 42–54. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-42-54 (Russia).

Введение. Одной из важнейших особенностей всякой сознательной личности является то, что она способна определять себя во взаимодействии с другими личностями, а также понимать личностные особенности окружающих, в том числе при вынесении моральных оценок их действий и поведения. В связи с этим проблематика эпистемологии личности оказывается весьма актуальной и востребованной в контексте дискуссий о моральной ответственности.

Существует ряд теорий, которые объясняют, как происходит понимание другой личности: теория народной психологии [1], теория симуляции [2], теория взаимодействия [3] и теория личностной модели [4].

Целью данной статьи является анализ теории личностной модели А. Невена и демонстрация ее преимуществ по сравнению с иными указанными выше подходами.

В первой части рассмотрены теория народной психологии, теория симуляции А. Голдмана и теория взаимодействия Ш. Галлахера. Эти теории представляют собой значимые попытки объяснить механизмы понимания другой личности. Во второй части представлена концепция прямого восприятия эмоциональных состояний А. Невена, опирающаяся, в свою очередь, на концепцию расширенного содержания восприятия С. Сигель. Проанализированы и предъявлены сильные и слабые стороны данного подхода. В заключении приводятся выводы.

Методология и источники. Теория народной психологии (folk theory) полагает, что для того чтобы понять других агентов, познающий субъект прежде распознает их ментальные состояния, в первую очередь убеждения и желания, а затем делает предсказания об их дальнейшем поведении [1, 5]. В рамках данного подхода утверждается, что заключения о ментальных состояниях другой личности производятся путем рационального вывода на основе полученной информации о ее поведении. Несмотря на кажущуюся очевидность данного тезиса, существует много примеров против такого подхода. В частности, далеко не всегда можно построить и в явном виде выразить рациональные рассуждения, приведшие агента к убеждению о ментальном состоянии другой личности. Порой можно понять намерения другого человека без каких-либо стереотипных сигналов с его стороны: например, перед тем, как встать со своего места в автобусе, человек застегивает куртку. Выполнение этого действия не является критерием человека, собирающегося встать со своего места, однако оно может позволить окружающим понять его намерение. Разнообразие таких косвенных инструментов понимания агентами интенций друг друга столь велико, что в общем случае их довольно сложно концептуализировать.

В ряде случаев понимание другого вообще не строится на знании о его убеждениях. В частности, младенцы в очень раннем возрасте могут распознавать эмоции родителей: если у родителя при общении с малышом радостное лицо, ребенок отвечает смехом, если же лицо родителя грустное или эмоционально нейтральное, то младенец отвечает плачем [6, 7]. Данный феномен объясняется деятельностью так называемых зеркальных нейронов: когда человек видит эмоциональное выражение лица, в его мозге работают нейроны, которые активны, когда он сам испытывает те же эмоции [8]. Данный механизм распознавания эмоций есть не только у людей, но и у животных. Соответственно, так же как невозможно приписывать способность к рациональному выводу животным, мы вынуждены сделать вывод о том, что распознавание эмоций не основывается на рациональном выводе.

Другой подход к пониманию личности получил название «теория симуляции» (simulation theory) [2]. Согласно этой теории, понимание другой личности возможно благодаря тому, что познающий субъект ставит себя на место другого и пытается представить, что бы он испытывал. Объяснение здесь базируется на работе зеркальных нейронов: познающий субъект видит эмоциональное выражение лица другого человека, испытывающего

гнев, после чего в его сознании возникает аналогичное ментальное состояние, которое вызывают зеркальные нейроны. В результате познающий субъект приходит к пониманию, что другой человек находится именно в этом эмоциональном состоянии (гневе). Например, младенцы действуют так, как будто им известно об эмоциональных состояниях окружающих людей несмотря на то, что младенцы не способны к полноценным теоретическим выводам.

С точки зрения Голдмана, такое «чтение» переживаний другой личности состоит из трех этапов: 1) зеркальные нейроны создают в сознании познающего субъекта копию эмоции, которую испытывает другая личность; 2) субъект осознает себя в том же эмоциональном состоянии, что и другая личность; 3) субъект проецирует свое эмоциональное состояние на сознание другого с помощью формирования убеждения, что другая личность находится в том же состоянии. Важно подчеркнуть, что второй и третий этапы невозможно приписать досознательной деятельности, поскольку осознание своих ментальных состояний и вынесение суждений требует мыслительной деятельности. Данный вывод противоречит исходной установке теории симуляции, которая была нацелена на то, чтобы предложить механизм понимания ментальных состояний другой личности без использования мышления.

В то же время обнаруживается явная проблема с третьим этапом симуляции эмоционального состояния, заключающаяся в смешении перспективы первого и третьего лица: далеко не всегда с помощью симуляции можно достичь ментального состояния, аналогичного ментальному состоянию другой личности. Убеждение о том, в каком состоянии находится другая личность, может быть ложным, даже если зеркальные нейроны оказались активны. В сложных ситуациях, когда несколько факторов могут вызвать похожие эмоциональные состояния, невозможно точно понять эмоциональное состояние другого. Например, человек с лицом, выражающим радость, находится в контакте с двумя событиями, способными вызвать это чувство: играющая кошка и виляющая хвостом собака. Если личность равнодушна к одному из животных, то познающий субъект должен с помощью симуляции понять, от какого события познаваемая личность находится в радостном состоянии, иначе понимание будет неточным. Если познающий субъект сам испытывает радость от наблюдения за радостным поведением собаки, то он будет склонен приписывать другим людям такое же эмоциональное состояние в аналогичных ситуациях.

Таким образом, становятся понятны ограничения теории симуляции. Во-первых, несмотря на стремление перевести понимание другой личности на досознательный уровень, теория симуляции все-таки апеллирует к убеждениям, что является противоречием по отношению к изначальной тенденции, направленной против теории народной психологии. Во-вторых, ментальные состояния каждого человека являются уникальными и индивидуальными, поэтому никакие два человека не могут находиться в одном и том же состоянии, полное понимание оказывается принципиально недостижимо. В-третьих, теория симуляции не применима в случаях, когда нужно понимание сильно отличающихся по психическому состоянию личностей. Человек психически здоровый с трудом может представить и испытать ментальные состояния психически больного. В-четвертых, в обычных социальных взаимодействиях далеко не всегда нужно симулировать у себя в сознании ментальные состояния другого, поэтому такой подход к пониманию другой личности не может быть единственным и исключительным.

Теория взаимодействия (interaction theory) [3] в свою очередь утверждает, что для понимания других агентов необходимо не только наблюдать за ними, но и взаимодействовать с ними. Восприятие не является пассивным процессом, оно требует активных действий от воспринимающего субъекта. У младенцев распознавание эмоций родителей происходит не при пассивном наблюдении, а при активном взаимодействии с родителями. Младенцы своим поведением показывают, каких эмоций они ждут от родителей, и их плач вызван во многом недовольством тем, что родители «неправильно» реагируют на их «требования» [6]. Этот пример показывает, что при распознавании ментальных состояний другой личности необходимо иногда ее спровоцировать на определенное поведение. Кроме того, наличие такого поведения у младенцев, как и в случае теории симуляции, демонстрирует, что стратегия понимания ментальных состояний другой личности с помощью провокации или другого взаимодействия является базовой стратегией, развивающейся до формирования когнитивных способностей.

Данный подход также сталкивается с рядом затруднений, связанных с тем, что в социальном взаимодействии существуют определенные правила. Когда люди вовлечены в совместные действия, они вынуждены действовать по этим правилам, иначе общество перестанет существовать. Например, когда два человека несут по лестнице стол, их действия должны быть хорошо согласованы, чтобы результат был положительным. Каждый из тех, кто несет стол, наблюдает за действиями своего напарника и мгновенно, без осознания на них реагирует. Однако этого очевидно недостаточно, чтобы заключить, что каждый из участников совместных действий понимает ментальные состояния другого человека. Из подобных ситуаций следует только то, что каждый из них знает общие правила поведения в данном контексте обстоятельств. Безусловно, младенцы не владеют правилами поведения и поэтому не могут требовать от родителей правильного поведения, они просто действуют в соответствии с инстинктами. Основные правила поведения являются результатом обучения и воспитания, поэтому социальное взаимодействие не может в целом относиться к немислительным процессам.

Галлахер настаивает, что независимо от мыслительного или немислительного характера социального взаимодействия данный подход является базовой стратегией понимания другой личности. И все же нам представляется, что далеко не всегда такое взаимодействие присутствует или даже требуется. В отдельных случаях простое стороннее наблюдение особенностей поведения индивида способно предоставить достаточное количество информации для понимания его ментального состояния. Например, по нахмуренным бровям человека, как правило, можно понять, что он сердит. В простых ситуациях, когда вызвать это состояние может не так много событий, легко определить, чем рассержен человек. Социальное взаимодействие может являться только дополнительным инструментом, когда в сложных ситуациях остаются неясными ментальные состояния другой личности. Поэтому, как и другие рассмотренные теории (теория народной психологии и теория симуляции), теория взаимодействия не может считаться единственной стратегией понимания другой личности, поскольку далеко не во всех ситуациях требуется взаимодействие или какая-либо провокация другой личности на поведение [9].

Результаты и обсуждение. В рамках теории взаимодействия существует представление о том, что активные действия и провокации познающего агента в конечном итоге спо-

собны приводить к прямому восприятию ментальных состояний другой личности. В связи с этим требуется сделать несколько пояснений.

Традиционно считается, что с помощью чувственного восприятия человеку доступны сравнительно немногие свойства предметов. Так, в случае зрения в качестве таковых обычно указывают цвет, форму и размер предметов. Однако в последнее время активно развивается концепция расширенного содержания ментальных состояний (в англоязычной литературе она получила название *rich content view* или *liberal-content view*). Согласно разным версиям данного подхода познающему агенту посредством восприятия могут быть доступны такие качества, как, например, принадлежность воспринимаемого объекта к классу [10] или причинно-следственные связи между объектами [11, 12]. Данная концепция развивается в рамках репрезентационализма, согласно которому феноменальные качества являются частью репрезентируемого содержания.

Можно продемонстрировать эту позицию на примере восприятия свойства принадлежности к классу «знакомые предметы». Так, при взгляде на знакомый предмет человек испытывает перцептивные переживания, несколько отличные от тех переживаний, которые он испытывал при первом взгляде на тот же предмет. Сам предмет при этом не изменился, перцептивные переживания в первом и во втором случаях отличаются только феноменальными качествами. В рамках репрезентационалистского подхода разница в феноменальных качествах может быть объяснена только разницей в репрезентируемом содержании. В данном случае разница в содержании восприятия состоит в том, что при первичном восприятии объекта он не мог быть отнесен агентом к классу «знакомые предметы», поскольку никакие связи с ранее воспринимавшимися предметами и воспоминаниями о них не могли быть прослежены. Тогда как при повторном восприятии дополняется содержание восприятия: помимо цвета, размера и формы предмета агент способен распознать то, как этот предмет соотносится с ранее уже воспринимавшимися им предметами. Следовательно, принадлежность объекта к классу «знакомые предметы» действительно может ощущаться человеком на чувственном уровне [13, 14].

А. Невен (в русскоязычной литературе его иногда именуют Ньюэн [15, 16]) утверждает, что эмоциональные состояния другого человека также являются частью расширенного содержания перцептивных переживаний [17].

Концепцию Невена о непосредственном восприятии эмоциональных состояний другого можно свести к нескольким положениям. Во-первых, распознавание эмоций другого возможно не только у младенцев, но и у животных, например, собак. Это означает, что распознавание эмоций является важным эволюционным фактором, доступным живым организмам с достаточно развитой когнитивной системой. Во-вторых, восприятие эмоций построено на распознавании конкретных поведенческих паттернов, свидетельствующих об эмоциональном состоянии. Когда человек смотрит на лицо другого, он видит не только выражение лица, но и конкретные детали (паттерны), такие как нахмуренные брови или расширенные зрачки, которые свидетельствуют о конкретных эмоциональных состояниях, например, гнев или страх. В-третьих, восприятие эмоций подвергается влиянию когнитивной системы воспринимающего субъекта (*cognitive-perceptual penetration* или *CPP*). Так, страдающему от болезни Паркинсона человеку очень трудно контролировать выражение лица. Если воспри-

нимающий субъект будет знать, что смотрит на человека с болезнью Паркинсона, он не будет видеть гнев глядя на нахмуренные брови [18].

Эмоции не зря попадают в центр эпистемологической дискуссии о личности. Отличительной особенностью эмоциональных состояний является их прямая связь с эмоциональным поведением. Даже если эмоциональное поведение можно имитировать, то сделать это довольно непросто. Так, если человек смотрит театральную постановку или фильм, то у него есть ряд оснований не доверять страдающему выражению лица актера, поскольку общеизвестно, что актеры умеют контролировать свое эмоциональное поведение и учатся этому достаточно долго. Люди с болезнью Паркинсона не могут контролировать свое эмоциональное поведение, но знание о болезни также является поводом не доверять выражению лица. При знании контекста полная имитация эмоционального поведения невозможна. Поэтому прямое восприятие эмоциональных состояний другого человека является одним из главных механизмов идентификации личности этого человека. Личность представляет собой набор ментальных состояний, а эмоциональные состояния являются при этом наиболее характеристичными.

Помимо этого, понимание эмоционального состояния другой личности является важным условием моральной ответственности. Любое теоретизирование о морали так или иначе включает в себя эмоциональность, в частности страдание. Так, современный теоретик П. Сингер строит свою систему вокруг того, что моральная оценка действий должна строиться только на основании страданий, которые приносят действия [19, с. 70]. Это представление приводит к тому, что возможна моральная оценка действий в отношении животных, поскольку животные также могут страдать. Система Сингера позволяет включить животных в список объектов моральных действий, который традиционно ограничивается только разумными существами. Однако, как нам представляется, моральная ответственность не должна ограничиваться страданиями и причинением боли. Вызов других эмоций (радости, грусти, гнева и т. д.) в определенных обстоятельствах также может быть действием, подвергающимся моральной оценке.

Включение животных в список объектов морально оцениваемых действий возможно только при том условии, что мы способны понимать эмоции животных. Как кажется, в общем случае это условие выполнено, однако механизмы такого понимания человеком эмоциональных состояний животных изучены пока недостаточно. Если руководствоваться упомянутыми выше традиционными подходами, то вряд ли возможно обоснованно утверждать, что животные обладают убеждениями, на основании которых они принимают рациональные решения, поэтому теория народной психологии в данном случае оказывается неприменима. С другой стороны, можно ли поставить себя на место животного и с помощью зеркальных нейронов спровоцировать у себя в сознании аналогичное эмоциональное состояние, как утверждает теория симуляции? По-видимому, это возможно только в отношении тех эмоциональных состояний, которые являются общими и у людей, и у животных, в противном случае человек не способен понять животное. В свою очередь, с точки зрения теории взаимодействия, которая предполагает прямое восприятие эмоциональных состояний другой личности, возможно понимание даже тех эмоциональных состояний животных, которыми человек не способен обладать. Прямое восприятие эмоциональных состояний

построено на определенных поведенческих паттернах, при этом некоторые поведенческие паттерны животных (например, оскал у собак) являются похожими на паттерны эмоционального понимания людей, тогда как другие (например, размахивание хвостом у тех же собак) не похожи. Тем не менее человек способен распознавать эмоциональное состояние животных даже в тех случаях, когда их эмоциональное поведение сильно отличается от эмоционального поведения людей, что свидетельствует о недостаточности средств теории взаимодействия для объяснения механизмов такого познания.

А. Невен предлагает теорию личностной модели (*person model theory*), в рамках которой стремится дать исчерпывающее объяснение механизма познания другой личности [4]. С точки зрения Невена, из представленных ранее подходов (теория народной психологии, теория симуляции и теория взаимодействия) невозможно выбрать единственно правильный или предпочтительный, все подходы к познанию другой личности имеют и преимущества, и ограничения. Ученый полагает, что все три подхода применяются в разных жизненных ситуациях. При этом непосредственное восприятие эмоциональных состояний другой личности остается в рамках данной концепции одной из базовых стратегий понимания, поэтому теорию Невена можно считать в определенном смысле модификацией теории взаимодействия [3]. В целом этот примирительный подход является полезным, поскольку позволяет не терять силы на поиск такой стратегии, которая вытеснит все остальные, а вместо этого сконцентрировать внимание на описании сложного целостного механизма понимания другой личности.

Познание личности в рамках теории личностной модели Невена сводится к двум структурным элементам: формирование схемы личности (*person schema*) и формирование образа личности (*person image*). Схема личности представляет собой информацию о внутренних ментальных процессах. Познающему субъекту неизвестны напрямую большинство ментальных состояний познаваемой личности, поэтому в рамках схемы личности возможно приписывание ей убеждений, эмоциональной реакции, психологических особенностей, привычек и т. д. Такое приписывание может быть источником ошибок, когда в схему личности познающий субъект включает качества, которыми личность не обладает. Образ личности, в свою очередь, представляет собой единство всей эмпирической информации о ней в конкретный момент времени. В отличие от схемы личности, образ личности формируется из доступных внешнему наблюдателю данных, поэтому в рамках образа личности нет приписывания ей каких-то качеств, которыми она не обладает. Однако в рамках образа личности также существует возможность ошибок, поскольку не все поведение личности напрямую связано с ментальными процессами. Существуют инстинктивные, автоматические и несознательные действия, а также действия, для данной личности совсем не характерные, которые она никогда сознательно не совершила бы и причину которых не всегда способна объяснить. Преодоление этих проблем возможно в рамках динамического характера всех представлений о личности. Никакое представление о личности, ни схема личности, ни образ личности не являются окончательными и постоянно дополняются с поступлением новой информации.

Невен полагает, что перцептивные процессы заканчиваются созданием личностного впечатления (*person impression*), которое затем может влиять и на схему личности, и на образ

личности, конструируемые познающим агентом. Кроме того, личностное впечатление может влиять и на нижние уровни: на восприятие тождества личности, эмоций, интенций и социального поведения. Эти уровни, в свою очередь, формируются при участии сенсорных сигналов, которые делятся на три категории: биологические особенности (форма тела, половые, возрастные особенности и черты лица), ситуативные особенности (конкретные движение и поза тела, выражение лица) и культурные особенности (поведенческий стиль, манеры поведения, одежда).

Одной из сильных сторон теории Невена является объяснение познания других личностей и познание агентом своей собственной личности в одних и тех же терминах. В рамках данной теории личность познающего субъекта похожа на другие личности, поэтому процесс познания своей личности строится аналогичным способом: познающий субъект формирует схему своей личности и образ своей личности. Отличие познания своей личности состоит в том, что у каждого субъекта есть привилегированный доступ к собственным ментальным состояниям, поэтому ему значительно проще составить схему своей личности. Однако с образом личности могут возникнуть трудности, поскольку субъект сам себя со стороны не видит. Таким образом, познание своей личности, так же, как и познание других личностей, не лишено недостатков и может приводить к ошибкам.

Теория Невена заключается в том, что познание других личностей во многом определяется знанием своей личности, и, с другой стороны, знание других личностей в определенной степени влияет на представления познающего субъекта о себе самом. Кроме того, в рамках теории Невена возможно описание личности коллективного субъекта, т. е. группы людей [20]. Если группа индивидов демонстрирует сознательное поведение, то для нее можно сформировать и схему личности, и образ личности [4].

Другой сильной стороной теории Невена является то, что обладание человеческим телом не является необходимым условием для того, чтобы быть личностью. Однако с точки зрения данного подхода необходимым условием личности является обладание ментальными механизмами, которые формируют у нее в сознании схемы и образы других личностей. Как следствие, теория личностной модели не позволяет признать искусственный интеллект личностью только на основании рационального поведения (например, умения играть в шахматы). Собака, в свою очередь, также не может быть признана личностью только на основании ее эмоционального поведения (например, виляния хвостом). Тем не менее и искусственный интеллект, и животные вполне могли бы быть признаны личностями, если бы у них были обнаружены соответствующие механизмы. Таким образом, теория Невена не закрывает вопрос о том, какая сознательная система может быть личностью, а, скорее, дает основания для новых исследований в психологии животных и проектировании искусственного интеллекта.

Одним из важных проблемных мест теории Невена является опора на восприятие эмоциональных состояний. Несмотря на то, что эмоциональное поведение непосредственно связано с эмоциональными состояниями, существует ряд проблем с пониманием другой личности исходя из эмоционального поведения. Является ли эмоциональное поведение характеристичным для личности? Интуитивно кажется очевидным, что актеры способны имитировать эмоции, например, они могут выглядеть грустно, сами при этом не испытывая

грусти. Поведенческие паттерны актера или человека с психическими отклонениями такие же, как и у других людей, а эмоциональные состояния отличаются, таким образом сами поведенческие паттерны не могут быть свидетельством эмоционального состояния. Невен апеллирует здесь к проникновению сознания в восприятие (СПР): воспринимая грустное лицо актера и зная при этом, что перед нами актер, мы уже не будем делать никаких заключений о его ментальных состояниях. Расширенное содержание перцептивных переживаний связано с тем, что познающий субъект воспринимает не только поведенческие паттерны познаваемой личности, но и ситуацию в целом, в том числе и то, что эта личность относится к числу актеров или людей с психическими отклонениями. Чтобы правильно понимать эмоциональные состояния других личностей, оказывается критически важным изначально знать, к какой группе относится та или иная личность.

Вторая проблема подхода Невена связана с самим проникновением сознания в восприятие. Такое проникновение ставит в зависимость восприятие от других ментальных процессов. В частности, зависимость восприятия от желаний (*wishful seeing*) может вести к уменьшению доверия восприятию и, в конечном итоге, к скептицизму [21]. Существует ряд вариантов преодоления данной проблемы. Например, А. Рафтопулос полагает, что на раннем этапе обработки зрительной информации (*early vision*) не существует проникновения сознания в восприятие, поэтому оно не ведет к скептицизму [22]. Однако в концепции Невена сознание проникает на самые ранние этапы восприятия, оно может влиять на то, как воспринимаются и выражение лица, и жесты, и цвет кожи и т. д. Если сознательные процессы, в том числе желание, способны проникать на самые ранние этапы восприятия, то можно ли доверять выводам, построенным на основании восприятия? Вполне представима ситуация, когда именно желание познающего субъекта повлияло на вывод о ментальном состоянии другой личности. Таким образом, для подхода Невена остается по-прежнему в высшей степени актуальным исследование того, как сознание познающего субъекта может искажать восприятие ментальных состояний познаваемой личности.

Третьим уязвимым местом подхода Невена является отождествление личности с совокупностью ее ментальных состояний. Даже если кажется интуитивно приемлемой позиция Невена, согласно которой личностью является весь набор ментальных состояний за все время его существования, то остается непонятным решение проблемы тождества личности. Так, в течение жизни у человека может меняться манера поведения, интонации голоса, черты лица и множество других качеств, определяющих личность для познающего ее субъекта, в том числе и типичные эмоциональные реакции. Одни элементы набора параметров, определяющих личность, уходят в небытие, а их место занимают другие. Соответственно, в рамках данного подхода остается востребованным дополнительный анализ того, как в сознании познающего субъекта формируется представление о тождестве познаваемой личности. Ведь, как уже было отмечено, в рамках подхода Невена оценка тождества познаваемой личности оказывает прямое влияние на восприятие ее отдельных поведенческих особенностей.

Заключение. Подход Невена, представленный в данной статье, является перспективной альтернативой существующим теориям познания личности. Прежде всего, преимуществом данного подхода является то, что он позволяет преодолеть различия между разными

подходами и свести понимание личности не к однозначному, а к вариативному процессу. В рамках теории Невена описан механизм формирования представлений о личности, как внутренних ментальных процессов познаваемой личности (схема личности), так и внешних проявлений ее качеств (образ личности). Теория личностной модели Невена позволяет рассуждать о признании личностью и взрослого человека, и младенца, и коллектива людей, и искусственного интеллекта, и животных. Дальнейшее развитие и совершенствование подхода Невена способно привести к существенному прогрессу в исследовании того, как устроено понимание другой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gopnik A. How We Know Our Minds: The Illusion of First-person Knowledge of Intentionality // Behavioral and Brain Sciences. 1993. Vol. 16, iss. 1. P. 1–14. DOI: 10.1017/S0140525X00028636.
2. Goldman A. I. Simulating Minds. The Philosophy, Psychology, and Neuroscience of Mindreading. Oxford, UK: Oxford Univ. Press, 2006. DOI: 10.1093/0195138929.001.0001.
3. Gallagher S. Direct Perception in the Intersubjective Context // Consciousness and Cognition. 2008. Vol. 17, iss. 1. P. 535–543. DOI: 10.1016/j.concog.2008.03.003.
4. Newen A. Understanding Others - The Person Model Theory // Open MIND / ed. by T. Metzinger, J. M. Windt. Frankfurt am Main: MIND Group, 2015. DOI: 10.15502/9783958570320.
5. Baron-Cohen S. Mindblindness. An essay on Autism and Theory of Mind. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
6. Griffiths P. E. What Emotions Really Are. The Problem of Psychological Categories. Chicago, IL: Chicago Univ. Press, 1997.
7. Nagy E. Innate Intersubjectivity: Newborn's Sensitivity to Communication Disturbance // Developmental Psychology. 2008. Vol. 44, no. 6. P. 1779–1784. DOI: 10.1037/a0012665.
8. Both of Us Disgusted in My Insula: the Common Neural Basis of Seeing and Feeling Disgust // B. Wicker, C. Keysers, J. Plailly et al. // Neuron. 2003. Vol. 40, iss. 3. P. 655–664. DOI: 10.1016/S0896-6273(03)00679-2.
9. Newen A., Schlicht T. Understanding Other Minds. A Criticism of Goldman's Simulation Theory and an Outline of the Person Model Theory // Grazer Philosophische Studien. 2009. Vol. 79, iss. 1. P. 209–242. DOI: 10.1163/18756735-90000865.
10. Siegel S. Which Properties are Represented in Perception // Perceptual Experience / ed. by T. Gendler, J. Hawthorne. NY: Oxford Univ. Press, 2006. P. 481–503. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199289769.003.0015.
11. Butterfill S. A. Seeing Causing and Hearing Gestures // Philosophical Quarterly. 2009. Vol. 59, iss. 236. P. 405–428. DOI: 10.1111/j.1467-9213.2008.585.x.
12. Siegel S. The Visual Experience of Causation // Philosophical Quarterly. 2009. Vol. 59, iss. 236. P. 519–540. DOI: 10.1111/j.1467-9213.2008.607.x.
13. Siegel S. The Contents of Visual Experience. NY: Oxford Univ. Press, 2010. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195305296.001.0001.
14. Пономарёв А. И. Можем ли мы видеть свойства высокого порядка? // Дискурс. 2017. № 3. С. 44–51.
15. Прись И. Е. О двух подходах Дэвида Папино к феноменальным концептам // Философская мысль. 2014. № 9. С. 84–149. DOI: 10.7256/2306-0174.2014.9.13310.
16. Кузьмина Т. И. К вопросу об использовании концепта «воплощенное Я» в специальной психологии личности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2020. Т. 13, № 1. С. 92–107.
17. Newen A. Defending the Liberal-content View of Perceptual Experience: Direct Social Perception of Emotions and Person Impressions // Synthese. 2017. Vol. 194. P. 761–785. DOI: 10.1007/s11229-016-1030-3.

18. Newen A. The Person Model Theory and the Question of Situatedness of Social Understanding // *The Oxford Handbook of 4E Cognition* / ed. by A. Newen, L. de Bruin, S. Gallagher. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018. P. 469–492. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198735410.013.25.

19. Сингер П. О вещах действительно важных. Моральные вызовы двадцать первого века // пер. с англ. Е. Фотьяновой. М.: Синдбад, 2019.

20. Tuomela R. *Social Ontology: Collective Intentionality and Group Agents*. NY: Oxford Univ. Press, 2013. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199978267.001.0001.

21. Siegel S. How Is Wishful Seeing Like Wishful Thinking? // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2017. Vol. 95, no. 2. P. 408–435. DOI: 10.1111/phpr.12273.

22. Raftopoulos A. The Cognitive Impenetrability of Perception and Theory-ladenness // *J. for General Philosophy of Science*. 2015. Vol. 46, iss. 1. P. 87–103. DOI: 10.1007/s10838-015-9288-6.

Информация об авторах.

Пономарёв Андрей Игоревич – ассистент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 11 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия восприятия, философия сознания.

Фролов Константин Геннадьевич – кандидат философских наук (2017), научный сотрудник Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии НИУ «Высшая школа экономики», Покровский бул., д. 11, Москва, 109028, Россия; научный сотрудник кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 24 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия восприятия, философия сознания.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 07.09.2022; принята после рецензирования 10.10.2022; опубликована онлайн 22.11.2022.*

REFERENCES

1. Gopnik, A. (1993), "How We Know Our Minds: The Illusion of First-person Knowledge of Intentionality", *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 16, iss. 1, pp. 1–14. DOI: 10.1017/S0140525X00028636.

2. Goldman, A.I. (2006), *Simulating Minds. The Philosophy, Psychology, and Neuroscience of Mindreading*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK. DOI: 10.1093/0195138929.001.0001.

3. Gallagher, S. (2008), "Direct Perception in the Intersubjective Context", *Consciousness and Cognition*, vol. 17, iss. 2, pp. 535–543. DOI: 10.1016/j.concog.2008.03.003.

4. Newen, A. (2015), "Understanding Others – The Person Model Theory", *Open MIND*, Metzinger, T., Windt, J.M. (eds.), MIND Group, Frankfurt am Main. DOI: 10.15502/9783958570320.

5. Baron-Cohen, S. (1995), *Mindblindness. An Essay on Autism and Theory of Mind*, MIT Press, Cambridge, MA, USA.

6. Griffiths, P.E. (1997), *What Emotions Really Are. The Problem of Psychological Categories*, Chicago Univ. Press, Chicago, IL, USA.

7. Nagy, E. (2008), "Innate Intersubjectivity: Newborn's Sensitivity to Communication Disturbance", *Developmental Psychology*, vol. 44, no. 6, pp. 1779–1784. DOI: 10.1037/a0012665.

8. Wicker, B., Keysers, C., Plailly J., Royet, J.-P., Gallese, V. and Rizzolatti, G. (2003), "Both of Us Disgusted in My Insula: the Common Neural Basis of Seeing and Feeling Disgust", *Neuron*, vol. 40, iss. 3, pp. 655–664. DOI: 10.1016/S0896-6273(03)00679-2.

9. Newen, A. and Schlicht, T. (2009), "Understanding Other Minds. A Criticism of Goldman's Simulation Theory and an Outline of the Person Model Theory", *Grazer Philosophische Studien*, vol. 79, iss. 1, pp. 209–242. DOI: 10.1163/18756735-90000865.

10. Siegel, S. (2006), "Which Properties are Represented in Perception", *Perceptual Experience*, Gendler, T. and Hawthorne, J. (eds.), Oxford Univ. Press, NY, USA, pp. 481–503. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199289769.003.0015.
11. Butterfill, S.A. (2009), "Seeing Causes and Hearing Gestures", *Philosophical Quarterly*, vol. 59, iss. 236, pp. 405–428. DOI: 10.1111/j.1467-9213.2008.585.x.
12. Siegel, S. (2009), "The Visual Experience of Causation", *Philosophical Quarterly*, vol. 59, iss. 236, pp. 519–540. DOI: 10.1111/j.1467-9213.2008.607.x.
13. Siegel, S. (2010), *The Contents of Visual Experience*, Oxford Univ. Press, NY, USA. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195305296.001.0001.
14. Ponomarev, A.I. (2017), "Could We See Properties of a High Order?", *Discourse*, no. 3, pp. 44–51.
15. Pris, I.E. (2014), "On the Two Approaches to David's Phenomenal Concepts", *Philosophical Thought*, vol. 9, pp. 84–149. DOI: 10.7256/2306-0174.2014.9.13310.
16. Kuzmina, T.I. (2020), "About the Concept "Embodied Self" in Special Psychology of Personality", *Theoretical Experimental Psychology*, vol. 13, no. 1, pp. 92–107.
17. Newen, A. (2017), "Defending the Liberal-content View of Perceptual Experience: Direct Social Perception of Emotions and Person Impressions", *Synthese*, vol. 194, pp. 761–785. DOI: 10.1007/s11229-016-1030-3.
18. Newen, A. (2018), "The Person Model Theory and the Question of Situatedness of Social Understanding", *The Oxford Handbook of 4E Cognition*, Newen, A., de Bruin L. and Gallagher, S. (eds.), Oxford Univ. Press, Oxford, UK, pp. 469–492. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198735410.013.25.
19. Singer, P. (2016), *Ethics in the Real World: 82 Brief Essays on Things That Matter*, Transl. by Fot'yanova, E., Princeton Univ. Press, Princeton, USA.
20. Tuomela, R. (2013), *Social Ontology: Collective Intentionality and Group Agents*, Oxford Univ. Press, NY, USA. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199978267.001.0001.
21. Siegel, S. (2017), "How is Wishful Seeing Like Wishful Thinking?", *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 95, no. 2, pp. 408–435. DOI: 10.1111/phpr.12273.
22. Raftopoulos, A. (2015), "The Cognitive Impenetrability of Perception and Theory-ladenness", *Journal for General Philosophy of Science*, vol. 46, iss. 1, pp. 87–103. DOI: 10.1007/s10838-015-9288-6.

Information about the authors.

Andrei I. Ponomarev – Assistant Lecturer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 11 scientific publications. Area of expertise: philosophy of perception, philosophy of consciousness.

Konstantin G. Frolov – Can. Sci. (Philosophy) (2017), Research Officer at the International Laboratory for Logic, Linguistics and Formal Philosophy, Higher School of Economics, 11 Pokrovsky blvd., Moscow 109028, Russia; Research Officer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 24 scientific publications. Area of expertise: philosophy of perception, philosophy of consciousness.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 07.09.2022; adopted after review 10.10.2022; published online 22.11.2022.*